

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ПЕРИОД ОБЫЧНОГО ПРАВА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ

С. Ю. Хатунов – заместитель директора Ставропольского филиала Московского гуманитарно-экономического института по учебной и научной работе, кандидат экономических наук

Исследование уголовно-правовых отношений раннего средневекового общества может сформировать мнение, что человек не был сориентирован на определенное социальное поведение и социальные ценности, охраняемые обычным правом, и поэтому действовал на свой страх и риск. Если это предположение верно, то в таком случае практически исключается субъективная сторона преступления. Хотя нет никаких особых оснований считать, что в англосаксонских правдах и законах или англо-нормандских законах субъективная сторона преступления была представлена в виде формулировок, анализ которых дает едва уловимые ее очертания. В ранних англосаксонских правдах преступный умысел либо слабо, либо вообще не принимался в расчет¹. Тем не менее в этих правдах присутствует объективная сторона преступления, которая, требуя определенного поведения от членов общества, обуславливает объективные законы, предусматривающие уголовное наказание. В более поздних законах законодателем иногда вырабатывались смягчающие обстоятельства, при которых правонарушитель мог подлежать освобождению от уголовной ответственности. Проведение различия между обстоятельствами, не исключающими уголовную ответственность, и обстоятельствами, исключающими уголовную ответственность, доказывает, что средневековый человек сознательно или, по крайней мере, хотя бы подсознательно был способен проводить такое различие, когда действовал или бездействовал в ряде определенно сложившихся обстоятельств. «Древнее право не могло обсуждать вопрос об умысле, потому что оно не имело механизма доведения до конца расследования <...> старое право могло не признавать, что отсутствие умысла должно было истолковываться как доказательство невиновности»,

а поэтому «деяние, которое приводит человека к «скорой смерти или отдалению от жизни», каким бы невинным оно ни было, является уголовным деянием <...> правонарушения, которые не были уголовными, могли служить основанием для частного обвинения в убийстве, если они представлялись как способствующие, хотя бы и косвенно, смерти»². Анализ англосаксонских законов позволяет утверждать, что расследование преступлений в рамках такой системы уголовного права, если и было способно учитывать психическое состояние человека, то только на самом примитивном уровне. Несмотря на то что в англосаксонский период человек начинает отходить от варварства, когда ответственность являлась частью звериного инстинкта, все еще отсутствовал механизм, который бы охватывал все уголовно-правовые требования к поведению, обусловленному социальными отношениями, которые преломляются в сознании средневекового человека в процессе его жизни. Правды и законы англосаксонских королей оставляют такое впечатление, что вопросы уголовной ответственности там рассматривались бессистемно. Ни в одной из англосаксонских правд не дается адекватного объяснения тому, что понимается под уголовной ответственностью, и этот факт ставит под сомнение простоту структуры принципов уголовной ответственности в период обычного права.

Уголовная ответственность в период обычного права основывалась на принципах кровной мести или материального возмещения человеку причиненного ему ущерба или вреда в интересах мира. Принцип материального возмещения не действовал только в том случае, если пострадавший или его родственники отказывались принять такое возмещение. Уголовная ответственность следовала за все действия, которые причиняли ущерб или вред,

¹ См.: *Potter H. An Historical Introduction to English Law and its Institutions*. London, 1948. P. 348.

² *Borough Customs* / Ed. M. M. Bateson. London : Selden Society, 1906. Vol. 21. P. XL.

независимо от того, обусловлено это несчастным случаем³ или состоянием необходимой обороны⁴. Следовательно, любое делинквентное поведение могло повлечь за собой уголовную ответственность. Таким образом, уголовная ответственность, так же как гражданская, если и не была абсолютной, то во всяком случае максимально возможной, так как никто не мог избежать ответственности за причиненный вред или ущерб, даже если его действия не были уголовно наказуемыми, «ибо законным считается то, что человек, который непреднамеренно причинил вред, должен сознательно дать компенсацию»⁵. Фактически в период обычного права любые действия человека подвергали его опасности понести уголовную ответственность, даже если они совершены в состоянии необходимой обороны⁶.

Вышеупомянутый принцип уголовной ответственности, очень схожий с гражданской, является вполне логическим следствием той самой преобладающей системы уголовно-правового регулирования, которая могла существовать в обществе в то время. Кровная месть и различные формы выплат в качестве компенсаций за причиненный вред, такие как вергельд, вит и бот, оставаясь стержнем системы уголовного наказания, тем не менее, жестко конкурировали между собой. Скорее всего, конкурировали различные уголовные правоотношения или разновидности социально-правового контроля, являвшиеся составной частью механизма уголовно-правового регулирования. При этом человек, совершая преступление и тем самым вызывая к жизни уголовную ответственность, порой не знает до момента искупления вины, какой она будет формы. Такое положение вещей возникает ввиду разновидности уголовного правоотношения. Субъектами уголовного правоотношения при кровной мести выступают, с одной стороны, человек, совершивший преступление, а с другой – сам потерпевший или его родственники; а при выплате компенсации первая сторона – та же, а другой стороной, помимо упомянутых, могут выступать король в лице государства и лорд в лице местной власти. Первостепенной задачей при переходе от обычной к праву считалось подавление первой формы

регулятивных отношений с помощью второй. Другая не менее важная задача заключалась в направлении внимания потерпевшего или его родственников, как при первой, так и при второй форме правоотношений, на поведение преступника, а не на него самого.

По англосаксонским и англо-нормандским законам уголовная ответственность возникает при совершении любой небрежности, так как в них господствовал принцип, согласно которому человек действует на свой страх и риск⁷. В то же время профессор П. Уинфилд отрицал это, отмечая, что если бы такой принцип существовал на самом деле, то не стоило бы жить⁸. Тем не менее владелец какой-либо собственности, с помощью которой был нанесен вред здоровью или совершено убийство другого человека, несет уголовную ответственность за то, что не обеспечил надлежащую сохранность или владение собственностью, например оружия⁹ или животного¹⁰. То понимание уголовной ответственности, которое имело место в обычном праве при англосаксонских и англо-нормандских королях, также не оставляло шансов человеку оправдаться в случае, когда его действия объяснялись неосторожностью или беспечностью, т. е. были совершены без умысла¹¹. Порой простая просьба о совместной работе могла стать причиной того, что попросивший при определенных обстоятельствах мог нести уголовную ответственность, если его партнер убьет его врагов¹². Таким образом, англосаксонское понимание уголовной ответственности совершенно очевидно акцентируется на действиях причиняющих вред или ущерб, а не на том, что человек был просто небрежен или совершил оплошность, т. е. на объективной, а не субъективной стороне деяния. У. Холдсуорт, английский историк права, писал, что обычное право «принимает во внимание не виновность лица, совершившего деяние, а чувства потерпевшего, чьи страдания могут вылиться, в конечном счете, в действия»¹³.

В ряде случаев некоторые из упомянутых правовых норм подвергались расширению, и, таким образом, предпринималась попытка учесть в новых законах все, насколько это возможно, деяния, которые способны причинить вред. Это приводит

³ См.: *Leges Henrici Primi* / Ed. L. J. Downer. Oxford, 1972. P. 282–283 (90.8), 234–235 (75.3), 278–279 (90.1).

⁴ Ibid. P. 250–251 (80.7), 266–267 (87.6).

⁵ Ibid. P. 270–271 (88.6). См. также: P. 282–283 (90.11a), 222–223 (70.12b).

⁶ Ibid. P. 270–271 (88.4).

⁷ См.: *Holdsworth W. A History of English Law*. London, 1923. Vol. 2. P. 51.

⁸ См.: *Winfield P. H. The Myth of Absolute Liability* // *The Law Quarterly Review*. 1926. Vol. 42. № 165. P. 38.

⁹ См.: *Leges Henrici Primi*. P. 264–265 (87.1-2), 282–283 (90.11).

¹⁰ См.: *The Laws of the Earliest English Kings* / Ed. F. L. Attenborough. Cambridge, 1922. P. 74–75 (Алфред, 23).

¹¹ См.: *Leges Henrici Primi*. P. 280–281 (90.4 и 4a).

¹² Ibid. P. 272–273 (88.9).

¹³ *Holdsworth W. A History of English Law*. P. 52.

ло к путанице¹⁴, свидетельствующей о неадекватности представлений законодателя об уголовной ответственности в период обычного права. Поэтому для того, чтобы осмыслить положения обычного права, следует определить, при каких обстоятельствах действия человека являются основанием уголовной ответственности, а при каких – не являются, и всегда ли субъект подлежит уголовной ответственности.

Во времена правления короля Инэ вора, пойманного с поличным можно было убить или «выкупить его жизнь его вергельдом»¹⁵, позже в правление Этельстана это положение дополняется возрастом вора (старше 12 зим) и суммой похищенного (8 пенсов)¹⁶. В то же время убийца, совершивший такое убийство, освобождался от уголовной ответственности после принятия присяги о том, что убитый был вором, который пытался скрыться с места преступления¹⁷. Эти обстоятельства и присяга считались достаточными, так как обязывали родственников убитого отказаться от кровной мести. Таким образом, англосаксонские законы поощряли расправу над преступниками, вина которых так и не была определена, оправдывая подобные деяния. Однако если предположить, что так поступают в состоянии необходимой обороны, то условия такой обороны отличаются от обычных. Хотя такое понятие необходимой обороны явно проявляется в других случаях, когда вассал сражается от имени своего лорда и наоборот или когда на кровного родственника кто-либо, но не его лорд, несправедливо напал¹⁸. Оно также распространялось на человека, который застал кого-либо постороннего со своей женой, дочерью, сестрой или матерью за закрытой дверью или под одним одеялом¹⁹. В законах Генриха I также утверждалось, что «любой может защитить себя, если кто-либо напал на него, в любом месте или обстоятельстве, кроме

как против своего лорда, который связан с ним, не убивая – дело, в котором мы неоднократно требуем в качестве условия учитывать его значение непрерывно и с пользой»²⁰. Однако далее также дается пояснение или делается предупреждение тем, кто превышает допустимую оборону: «Если кто-либо при своей обороне поднимает копье или меч или какое-либо оружие против своего врага, а позже, ослепленный отвратительной страстью, впадая в нее, нанесет телесные повреждения, то он должен нести ответственность сам, чтобы с ним ни случилось»²¹.

В период обычного права в Англии также существовала система коллективной уголовной ответственности, которая возникала в случае нахождения трупа человека на территории сотни или в пределах любого населенного пункта, убийца которого неизвестен. Однако на самом деле основанием для уголовной ответственности и наложения наказания в виде штрафа являлось не то, известен или нет убийца, а то, что убийца не предстал перед судом в течение определенного времени²². Ряд известных английских историков и историков права²³ опровергают предположения о том, что такая система могла сложиться в период датского завоевания, и поэтому была введена во времена правления датского короля Кнута. Тем не менее, не опровергая вышесказанное предположение, другие²⁴ историки права все же не исключают, что версия о датском происхождении, хотя с малой долей вероятности, имеет право на существование, так как было множество прецедентов, когда датчанами применялась коллективная уголовная ответственность в отношении сотни²⁵. Последние исходят из того, что коллективная уголовная ответственность основана на понятиях кровной мести и вергельда, поэтому, когда преступник не понес уголовной ответственности, нарушенный королевский мир не

¹⁴ См.: *Leges Henrici Primi*. P. 264–265 (87.2, 2a, 2b, 2c). О путанице с понятиями в п. 87.2 см.: *Holdsworth W. A History of English Law*. P. 53, n. 1.

¹⁵ *Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы*. М., 1961. С. 67; *The Laws of the Earliest English Kings*. P. 40–41 (Инэ, 12).

¹⁶ См.: *Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы*. С. 78; *The Laws of the Earliest English Kings*. P. 126–127 (II Этельстан, 1).

¹⁷ См.: *The Laws of the Earliest English Kings*. P. 46–47 (Инэ, 35).

¹⁸ См.: *Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы*. С. 75; *The Laws of the Earliest English Kings*. P. 84–85 (Альфред, 42.5; 42.6).

¹⁹ См.: *Leges Henrici*. P. 258–259 (82.8); *The Laws of the Earliest English*. P. 86–85 (Альфред, 42.7).

²⁰ *Leges Henrici Primi*. P. 258–259 (83.1).

²¹ *Ibid.* P. 270–271 (88.4).

²² См.: *Hamil F. C. Presentment of Englishry and the Murderer Fine // Speculum*. 1937. Vol. XII. № 3. P. 285.

²³ См.: *Freeman E. A. History of the Norman Conquest*. Oxford, 1877. Vol. 1. P. 758; *Holdsworth W. A History of English Law*. Vol. 1. P. 8; *Liebermann F. Die Gesetze der Angelsachsen*. Halle, 1912. Bd. 2, halfte 2. S. 593; *Palgrave F. Collected historical works of Francis Palgrave*. Cambridge, 1921. Vol. 6. P. 152.

²⁴ См.: *Jewdine J. W. Tort, Crime and Police in Mediaeval Britain*. London, 1917. P. 35; *Maitland F. W. The Criminal Liability of the Hundred // The Collected Papers of Frederic William Maitland*. Cambridge, 1911. P. 246; *Pollock F., Maitland F. W. The History of English Law before the Time of Edward I*. Vol. 1. Cambridge, 1923. P. 89; *Stubbs W. Lectures on early English history*. London, 1906. P. 52, 82, 118.

²⁵ См.: *Maitland F. W. The Criminal Liability of the Hundred*. P. 246.

может быть восстановлен. Потерпевшей стороной является король, и об этом упоминается в законах Этельреда²⁶ и Кнута²⁷. Первое упоминание о штрафе *murdrum* встречается в законах Эдуарда Исповедника²⁸, т. е. фактически в англосаксонский период, однако не следует забывать, что компиляция этих законов была составлена уже в англо-нормандский период, т. е. столетие спустя после правления Эдуарда Исповедника. Соответственно, в компиляциях, составленных после нормандского завоевания, штраф *murdrum* в качестве коллективной уголовной ответственности не только остается, но и, как видно из законов Генриха I, расширяется сфера применения самого штрафа²⁹. Однако размер штрафа остается неизменным и составляет 46 марок, из которых 6 марок передаются родственникам умершего, если таковые есть, а остальные 40 марок – непосредственно королю³⁰.

В англо-нормандский период в отличие от англосаксонского появляется более четкая дифференциация таких понятий, как умысел, небрежность, несчастный случай и неотвратимость случившегося. Однако очевидная непоследовательность применения еще откровенно слабой концепции уголовной ответственности, с одной стороны, не могла решить проблем, существовавших в обычном праве, а с другой – явно свидетельствует о появлении прогрессивных начал, которые нельзя отрицать. Тем не менее по-прежнему «чистая случайность» ничем не отличалась от умышленных действий. Однако в законах Генриха I появляются смягчающие ответственность обстоятельства³¹, которые судьи должны были учитывать. Фактически этими обстоятельствами выступают несчастные случаи, поэтому, когда «человек предполагает одно дело или какой-либо другой результат (когда предметом обвинения является то, что действительно сделано, а не умысел), судьи должны отдать предпочтение фиксированной компенсации, определенной на основе сострадания, и предложить восстановить любую нарушенную честь, согласно соответствующим обстоятельствам»³². Таким образом, столь строгие правовые нормы можно объяснить раци-

онализмом, который выражен словами – «любой нарушитель закона похож на другого как брат»³³. Проявление простой и рационалистической формы уголовной ответственности законодатель, а вернее компиляторы законов, связывают с тем, чтобы «тот, кто нанес ущерб, безнаказанно не становился самонадеянным, а тот, кто пострадал от оскорбления, не привык к корыстному получению компенсации»³⁴. Все вопросы уголовной ответственности были неизменно связаны со степенью и формой причиненного ущерба. Однако следует особо отметить те аспекты, которые обосновывают уголовную ответственность с точки зрения моральных правонарушений. Подобные аспекты уголовной ответственности, связанные, прежде всего, с нравственной делинквентностью, давали простор воображению духовенства, а следовательно, становились предметом особого влияния церковных институтов на правовые. Помимо влияния церкви в контекст рассмотрения подобных аспектов также должен войти вопрос об уголовной ответственности несовершеннолетних и недееспособных.

Влияние церкви было обусловлено тесной связью государства с церковью, права с моралью, преступления с грехом при полном отсутствии каких-либо разделительных линий между ними. Столь близкая связь порой подменяла понятия. Профессор Ф. Стентон, отмечая такую подменяющую понятия связь государства с церковью, писал: «Граница между светской и духовной властью не была никогда определена в Англии до нормандского завоевания. <...> Эффект этого альянса <...> виден в религиозном цвете, который ему придало старое английское законодательство, в частности в период между восшествием Эдгара и смертью Кнута. В этих законах существовало много положений, в которых сам король выступал как проповедник, а не как правитель»³⁵. А согласно Дж. Джудвайн церковь, разграничив жестокие и насильственные деяния введением концепции греха, объявила наиболее тяжкими преступлениями против общества те, которые не фигурировали в десяти заповедях Христа³⁶. Таким образом, пользуясь столь выгод-

²⁶ См.: *The Laws of the Kings of England from Edmund to Henry I* / Ed. A. J. Robertson. Cambridge, 1925. P. 126–127 (VIII Этельред, 33).

²⁷ Ibid. P. 196–197 (II Кнут, 40).

²⁸ См.: *Ancient Laws and Institutes of England Comprising Law Enacted under the Anglo-Saxon Kings* / Ed. B. Thorpe. London, 1840. P. 193 (Эдуард Исповедник, 15).

²⁹ См.: *Leges Henrici Primi*. P. 285–293 (91; 92).

³⁰ См.: *Ancient Laws and Institutes of England Comprising Law Enacted under the Anglo-Saxon Kings*. P. 193 (Эдуард Исповедник, 15); *Leges Henrici Primi*. P. 284–285 (91.1).

³¹ См.: *Leges Henrici Primi*. P. 282–285 (90.11c).

³² Ibid. P. 284–285 (90.11d).

³³ Ibid. P. 260–261 (84.3).

³⁴ Ibid. P. 260–261 (84.1).

³⁵ Stenton F. M. *Anglo-Saxon England*. Oxford, 1998. P. 546.

³⁶ См.: *Jeudwine J. W. Tort, Crime and Police in Mediaeval Britain*. London, 1917. P. 26.

ными для нее связями, церковь пыталась внести индивидуализм в вопрос уголовной ответственности через распространение идеи о спасении души грешника. Это не помогло ей остановить кровную месть, но повысило ее влияние в вопросах о степени уголовной ответственности каждого христианина. Фактически «чувство индивидуализма в христианстве было противопоставлено солидарности и коллективной ответственности родственников. Но вместо борьбы против системы вергельда церковь, как ни странно, не устояла перед ней и приспособила ее для своей выгоды»³⁷. Влияние церкви начинает проявляться во второй половине VII в. Так, во времена архиепископа Теодора, который выступал в качестве легиста, законодателя и судьи, церковь и духовенство, издавая каноны, регулирующие внутренний порядок церкви, довольно «часто покушались на сферу светского права». А «после его смерти его ученики составили сборник епитимий, которые налагались за преступления против морали, за ересь, языческие обряды и поведение, запретное для христиан»³⁸, тем самым продолжив попытки церкви влиять на уголовную ответственность в основном путем запретов. Так, в законах Кнута это влияние проявилось в виде запрета: «впредь строго запрещаю <...> вещи, которые весьма неуютны богу»³⁹. Влиянию церкви также способствовала высокая религиозность общества, отсюда следует не только частое упоминание бога в общеправовых вопросах, но и блаженных Августина⁴⁰ и Иеронима⁴¹ в вопросах уголовной ответственности. Иногда действия духовных лиц прямо отражались в законах. Так, «между 670 и 690 гг. архиепископ Теодор считал необходимым налагать епитимью на тех, кто совершает жертвоприношение дьяволу»⁴², и это нашло отражение в 695 г. в правде кентского короля Уитреда, которая за данное преступление определила наказание в виде лишения преференциальной доли вергельдов преступников или всего их движимого имущества, а если его совершит раб, «то он должен заплатить 6 шиллингов компенсации или подвергнуться наказанию плетью»⁴³. Поскольку «государственные и церковные дела фактически были взаимозависимы,

а король или епископ в VIII в. не понимали доводов, которыми пытались доказать, что церковное законодательство или защита церковных интересов было делом только духовных лиц»⁴⁴, именно поэтому порой параллельно со светской существовала и церковная система уголовной ответственности, в частности за убийство, согласно которой требовалось духовное искупление в виде епитимьи за каждое убийство, сопряженное с различного рода лишениями, хотя и «разрешалась замена епитимий пожертвованиями или строительством церкви»⁴⁵. Однако влияние церкви и духовенства особенно проявляется в правоприменении. Духовенство считало, что следует учитывать смягчающие наказание обстоятельства, такие как несчастный случай и необходимая оборона. Обычно при возникновении таких обстоятельств оказывалось недостаточно существующей в обычном праве процедуры для рассмотрения таких споров, как, например, между убийцей и родственниками убитого. В этом случае требовалось вмешательство церкви и отдельных представителей духовенства. В одном из таких дел, для того чтобы сбить накал страстей, епископ Вульфстан Вустерский считал необходимым прибегнуть к Святому писанию, заявив, что «блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими»⁴⁶, а те, кто сопротивляются миру, – сынами дьявола. Однако, согласно хронисту, на людей эти слова действовали только после того, как произошло вмешательство божественных сил, и поэтому епископ смог вынести решение, достойное бога⁴⁷. Этот пример еще раз подтверждает мысль о том, что страх перед богом для средневекового человека был сильнее правового запрета, чем не преминула воспользоваться церковь.

Нравственный аспект делинквентности недееспособных, обосновывающий уголовную ответственность во времена «предков», выразил в своей работе Л. О. Пайк. Говоря об уголовной ответственности недееспособных, он заметил, что на протяжении многих поколений в этом вопросе, в принципе, незначительно изменились юридические максимы. Далее он писал: «Наши предки, похожие на нас, счи-

³⁷ Seebohm F. Tribal Custom in Anglo-Saxon Law. London, 1902. P. 385.

³⁸ Stenton F. M. Anglo-Saxon England. P. 140.

³⁹ Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. С. 90 ; *The Laws of the Kings of England from Edmund to Henry I*. P. 214–215 (Кнут 76.3).

⁴⁰ См.: *Leges Henrici Primi*. P. 226–227 (72.1b).

⁴¹ Ibid. P. 228–229 (72.1d).

⁴² Stenton F. M. Anglo-Saxon England. P. 128.

⁴³ *The Laws of the Earliest English Kings*. P. 26–27 (Уитред, 12 и 13).

⁴⁴ Stenton F. M. Anglo-Saxon England. P. 238.

⁴⁵ Ibid. P. 661.

⁴⁶ Матфей, 5:9.

⁴⁷ См.: *English Lawsuits from William I to Richard I* / Ed. R. C. van Caenegem. Vol. 1: William I to Stephen. London : Selden Society, 1990. Vol. 106. P. 111–112 (дело 139).

тали, что душевнобольной не может быть преступником в том же смысле, как и человек, полностью использующий свои способности мыслить; однако они не знали о тех психологических доктринах, с помощью которых можно было отличить kleptomana от вора»⁴⁸. Ряд ссылок на уголовную ответственность несовершеннолетних в англосаксонских и англо-нормандских законах имеют противоречивый характер в сравнении с общей концепцией уголовной ответственности. Так, в конце VII в. в правде Инэ уголовная ответственность наступает уже с десяти лет⁴⁹. Однако уже в начале X в. в законах Этельстана возраст, при котором наступает уголовная ответственность, был увеличен и достиг 12 лет⁵⁰. В то же время в начале X в. в законах Кнута говорится, что «в прежнее время допускалось, что ребенок, лежавший в колыбели, <...> считался столь же виновным, как если бы он был (вполне) сознательным»⁵¹. В этом же законе находим, что уголовная ответственность наступает также с 12 лет⁵². В законах Генриха I возраст остался без изменения – 12 лет⁵³, но говорится об ответственности, однако не самих недееспособных и несовершеннолетних, а их родителей или попечителей⁵⁴.

Уголовная ответственность в период обычного права страдает изрядной долей софизма и эластичности. Это связано в большей степени с реальной упречностью поведения, а также малозаметной нравственной или греховной составляющей, «возможно, благодаря способам доказывания в раннем праве»⁵⁵. Поэтому это приводило к тому, что «во всех древних обществах грань между умыш-

ленным убийством человека, при условии, что оно совершено после предупреждения и в честном бою, или изнасилованием женщины, или вторжением коровы на зерновое поле, или откармливанием на пастбище свиней человека из другого семейного клана, была очень тонкой»⁵⁶. Фактически нет никаких причин, которые могли бы вселить уверенность, что «в древние времена английское право имело какой-либо небольшой анализ субъективного элемента ответственности»⁵⁷. В то же время это усугублялось отсутствием правоохранительных органов, а поэтому не позволяло воплощать правоотношения между государством и преступником в древнем обществе, и, как следствие, обязанность расследовать преступления и привлекать к уголовной ответственности при наличии деяния, а не вины, возлагалась на частных лиц и феодалов, и довольно редко – на королевских (государственных) чиновников. Частная юрисдикция и система свободного поручительства, заменявшие правоохранительные органы, не руководствовались принципом, что уголовная ответственность ограничивается исключительно рамками закона. А так как «записи, сделанные в англосаксонских законах, не являются всем англосаксонским правом», то в рамках обычного права существовали обычаи, которые никогда и нигде не были записаны⁵⁸. Таким образом, можно предположить, что такими неписаными нормами смело могли пользоваться все заместители правоохранительных органов и тем самым повышать или снижать степень уголовной ответственности любого члена общества.

⁴⁸ Pike L. O. A History of Crime in England. London, 1876. Vol. 2. P. 580.

⁴⁹ См.: *Хрестоматия* памятников феодального государства и права стран Европы. С. 67; *The Laws of the Earliest English Kings*. P. 38–39 (Инэ, 7.2).

⁵⁰ См.: *Хрестоматия* памятников феодального государства и права стран Европы. С. 78, 81; *Laws of the Earliest English Kings*. P. 126–127, 156–157 (II Этельстан, I; VI Этельстан 1.1).

⁵¹ *Хрестоматия* памятников феодального государства и права стран Европы. С. 90; *The Laws of the Kings of England from Edmund to Henry I*. P. 214–215 (II Кнут 76.2 и 3).

⁵² См.: *Хрестоматия* памятников феодального государства и права стран Европы. С. 87; *The Laws of the Kings of England from Edmund to Henry I*. P. 184–185 (II Кнут 21).

⁵³ См.: *Leges Henrici Primi*. P. 188–189 (59.20).

⁵⁴ Ibid. P. 188–189 (59.20), 244–245 (78.6 и 7).

⁵⁵ Potter H. An Historical Introduction to English Law and its Institutions. P. 348.

⁵⁶ Jeudwine J. W. Tort, Crime and Police in Mediaeval Britain. P. 25–26.

⁵⁷ Winfield P. H. The Myth of Absolute Liability // *The Law Quarterly Review*. 1926. Vol. 42. № 165. P. 37.

⁵⁸ Ibid. P. 43.